

I

Без пятнадцати час. В минуту всепоглощающего напряжения, когда долгое ожидание было наконец вознаграждено успехом и в бесцветном пламени горелки Бунзена неожиданно засиял восхитительный изумрудный огонёк, из двора соседнего дома донеслись звуки шарманки. В этот миг триумф научного эксперимента (а он должен был доказать и доказал, что химическое вещество может окрасить огонь!) был проигнорирован — всё пошло прахом!

Стоял тёплый мартовский день. Через открытое окно вместе с ветерком залетели в класс радостные звуки. Какой-то шарманщик заиграл весёлую венгерскую мелодию в ритме марша, и это звучало настолько забавно, что ученики еле сдерживали смех. Некоторые мальчишки не сдержались и захохотали. В горелке Бунзена задорно виляла зелёная змейка, но сейчас за ней наблюдали всего пару учеников за первыми партами. Остальные внимательно рассматривали крыши соседних домов и сияющую в лучах солнца башню собора. Большая стрелка соборных часов бодро приближалась к цифре двенадцать. Все смолкли и сконцентрировались на времени. Вместе с мелодией шарманки в класс начали проникать другие звуки: гремела конка, пела девушка в одном из дворов (видимо, служанка), и её мелодия была совершенно не похожа на ту, что наигрывал шарманщик. Ученики начали крутиться, ёрзать. Кто-то уже прятал учебники в парты, а кто-то старательно вытирал

свои перьевые ручки. Бока закрыл маленькую, обтянутую чехлом из красной кожи карманную чернильницу; она была так удачно сделана, что чернила начинали проливаться лишь тогда, когда чернильница попадала в карман.

Челе собирал разбросанные листики, заменявшие ему книги: такому франту — а он себя им считал — носить с собой целую библиотеку было неприлично. Поэтому в гимназию он брал только те вырванные страницы учебника, которые были нужны для данного урока. Листики он старательно распихивал по всем карманам, чтобы ни один из них не торчал наружу и не портил его идеальный внешний вид. Чонакош, сидящий за последней партой, зевал во весь рот, как сонный бегемот, а Вейс чистил карман от крошек рогалика, тайком съеденного во время уроков. Герерб начал шаркать ногами, будто вот-вот встанет, а Барабаш с невозмутимым видом разложил на коленях клеёнку и стал аккуратно складывать книги по величине, старательно стягивая их ремешком, — аж парта закрипела, а сам он покраснел от усилий. Одним словом, все торопились покинуть гимназию, и только учитель не догадывался, что урок закончится уже через пять минут. Он поднял голову, окинул спокойным взглядом класс и спросил:

— Что случилось?

Воцарилась мёртвая тишина. Барабаш ослабил ремешок, Герерб перестал шаркать ногами, Вейс заправил вывернутые карманы, Чонакош захлопнул рот, Челе перестал возиться со страницами учебника, а Бока спрятал в карман брюк чернильницу — из неё мигом начали вытекать на штаны красивые синие чернила.

— Что случилось? — повторил учитель, хотя к этому моменту все замерли и временно приклеились к стульям. Профессор посмотрел в окно, через кото-

рое в класс беспардонно прорывались звуки шарманки, и строго сказал:

— Ченгей, закрой окно!

Мальш Ченгей — лучший ученик, сидевший за первой партой, — встал и с важным видом всезнайки пошёл закрывать окно.

В эту самую минуту Чонакош, сидящий с краю, наклонился к проходу между партами и шепнул маленькому светловолосому мальчику:

— Внимание, Немечек!

Немечек осторожно обернулся и посмотрел вниз. По полу катился бумажный шарик. Мальчик поднял его и расправил. С одной стороны листика было написано: «Передай дальше Боке».

Немечек знал, что самое важное написано с другой стороны, но (как человек чести, он чужих писем не читал) снова скомкал записку в шарик, дождался подходящего момента, наклонился и шепнул:

— Внимание, Бока!

Теперь уже Бока глянул на пол — средство связи во время уроков. Бумажный шарик полетел дальше. На другой стороне записки (той, которую честный Немечек не прочитал!) было написано: «Сегодня в три собираемся на Пустыре. Будем выбирать президента. Оповестить всех».

Бока спрятал записку в карман и ещё раз старательно стянул ремешком упакованные книги. Началась перемена. Электрические часы забренчали — теперь и учитель начал понимать: урок подошёл к концу. Он потушил горелку Бунзена, задал работу на дом и направился в кабинет естественных наук. Оттуда через приоткрытую дверь виднелись чучела животных; замершие птицы таррашились с полок неподвижными стеклянными глазами, а в углу тихо и загадочно желтел суровый скелет.

Класс опустел мгновенно. Просторные коридоры с величественными колоннами затряслись от дикого галопа учеников. Топот ослабевал только тогда, когда среди толпы детей неожиданно появлялась на горизонте фигура кого-нибудь из учителей.

Тогда несущиеся сломя голову мальчишки останавливали свой бег, и на секунду воцарялась тишина. Учитель скрывался из виду — бешеные гонки возобновлялись.

Толпа ребят бурным потоком прорывалась сквозь ворота и только здесь делилась на два течения. Одно поворачивало вправо, другое — влево. Уставшие и голодные, ученики прощались с учителями и разбредались по солнечным улицам. Мальчишки ещё не совсем пришли в себя после уроков и мыслями были не здесь, но радостные и шумные звуки улицы потихонечку выдерживали их из школьного оцепенения. Будто маленькие пленники, выпущенные на волю, они задорно купались в солнечных лучах и пробирались дальше. Оживлённый и шумный город был для них лабиринтом запутанных улиц, магазинчиков, экипажей и рельсовых путей конок. Среди всей этой путаницы, суматохи и толкотни нужно было выбрать дорогу домой.

У ворот соседнего с гимназией дома Челе въедливо торговался с продавцом восточных сладостей: тот ни с того ни с сего — нагло и неожиданно! — повысил цены. Все прекрасно знали, что кусок халвы ещё вчера стоил один крейцер! Небольшой кусок, тот, который можно было одним ударом тесака отрубить от большого пористого блока белой халвы, начинённой орехами. Именно такая порция стоила один крейцер. Один крейцер был мерой всего, что можно было купить в лотке возле школьных ворот. Один крейцер — это три сливы в сиропе, нанизанные на деревянную палочку, три

фиги или три ореха. Крейцер — это порция лакричных конфет, лакричных палочек или карамелек. Да за крейцер покупали даже вкусную порцию смеси, упакованной в аккуратный бумажный пакетик! Порцию под названием «ученический паёк». Чего там только не было! Фундук, сушёная смородина, миндаль, кусочки сахара, стручки рожкового дерева... Крошки неизвестного происхождения и мелкие мушки тоже имелись в наличии.

Таким образом, «ученический паёк» состоял из набора кондитерских изделий, а также элементов растительного и животного мира. И всё это стоило всего лишь один крейцер! Челе азартно торговался с продавцом, и это говорило о том, что торговец сегодня значительно поднял цены. Кто знаком с принципами торговли, тот прекрасно понимает: стоимость товара возрастает тогда, когда сделки связаны с риском. Например, чай — самый дорогой товар, потому что его возят из Азии караванами, а путь их лежит через местности, полные грабителей. Из-за таких опасностей жители Западной Европы и вынуждены позднее платить больше — платить за риск. Продавец, если верить этой закономерности, проявил огромную коммерческую дальновидность и повысил цены. Бакалейщик узнал, что его хотят прогнать с насиженного места возле гимназии. Он прекрасно понимал: если уж решили выдворить, то заискивающие улыбочки в адрес проходящих мимо господ учителей здесь не помогут. В любом случае рядом с гимназией остаться не позволят: в нём видят только врага.

«Дети оставляют все свои деньги в лотке этого итальянца!» — возмущались учителя. Бедолага знал: дни торговли возле гимназии сочтены. Вот от безысходности и поднял цены. Если уж суждено отсюда уходить,

то нужно хотя бы возместить потери. Торговец открыто заявил:

— До этого всё стоило крейцер. Но с сегодняшнего дня будет два крейцера!

А так как он был итальянцем, то все слова на ломаном венгерском вылетали из него со стоном, при этом торговец ещё и своим тесаком размахивал... От избытка чувств. Тогда Герерб шепнул Челе:

— Запусти-ка шляпой в эту лавчонку!

Челе был в восторге от идеи. Это выглядело бы забавно! Сладости разлетелись бы во все стороны! Мальчишки бы повеселились! А Герерб играл роль змея-искусителя:

— Ну, давай, садани шляпой! Вот хитренький! Так на нас наживаться!

Челе снял с головы шляпу.

— Такой элегантной шляпой? — подумал он и засомневался...

Ничего не вышло: Герерб обратился со своим планом мести не по адресу. Челе был настоящим франтом!

— Шляпы тебе жалко? Шляпы?! — разозлился Герерб.

— Вот и жалко, чтоб ты знал, — ответил Челе. — Ты не думай, что я трушу. Мне ни капельки не страшно, а шляпы жалко. И я могу тебе это доказать. Хочешь? Могу запустить твоей!

Герербу такое предложение не подошло. Почувствовав, как его понижывает обида, он со злостью выпалил:

— Свою шляпу я и сам могу бросить куда угодно и в кого угодно. Этот торгаш — вымогатель! А ты, если уж испугался, то давай, проваливай.

И решительным, воинственным жестом снял шляпу, чтобы запустить ею в заставленный сладостями стол на хлипких крестообразных опорах.

Но в эту самую секунду кто-то сзади схватил его за руку и серьёзным, практически взрослым голосом спросил:

— Что ты делаешь?

Герерб оглянулся. За ним стоял Бока, он спокойно и невозмутимо смотрел на Гереба.

Герерб что-то прорычал, как лев, которому дрессировщик смотрит в глаза. Но всё-таки смог сдержать себя, пожал плечами и надел шляпу на голову. Бока тихо произнёс:

— Оставь его в покое. Я люблю смельчаков, но то, что ты хотел сделать, не имело абсолютно никакого смысла. Пойдём!

И протянул ему испачканную чернилами руку. Это из чернильницы щедро струились тёмно-синие чернила, а Бока, ни о чём не догадываясь, держал руку в кармане.

Однако по этому поводу они сильно не переживали. Бока вытер руку о стену — на ней отпечатались выразительные тёмные разводы, правда, чище рука не стала. Тем не менее на этом все попытки отмыться завершились. Бока взял Гереба под руку, и они вместе пошли вперёд. Малый Челе остался возле лотка, и удаляющиеся приятели успели услышать подавленный голос поверженного бунтаря:

— Если уж с сегодняшнего дня всё у вас стоит по два крейцера, то мне, пожалуйста, дайте халвы на эти два крейцера.

И достал из кармана своё портмоне из нежной зелёной кожи. Продавец ухмыльнулся и начал думать о том, что будет, если с завтрашнего дня взять и начать всё продавать по три крейцера... Но это были лишь сладкие видения. Такие вот мечты, будто неожиданно каждый форинт начинает стоить сто форинтов!

Итальянец со знанием дела рубанул тесаком по блоку халвы и отрезанный кусок положил на бумагу.

Челе посмотрел с горечью:

— Но ведь Вы дали мне ещё меньший кусок, чем тот, что стоил раньше один крейцер!

Коммерческий успех и победа над бунтующими клиентами сделали итальянца ещё более наглым. С противной улыбочкой он произнёс:

— Сейчас всё подорожало, молодой человек, поэтому и даю меньше.

И сразу же обратился к следующему покупателю, который, став свидетелем этой сцены, уже смиренно держал в руке два крейцера. Жестом средневекового палача, отрезающего ореховую голову карлику по кусочку, итальянец рубанул маленьким тесаком по сладкой массе. Явно срывал злость на халве!

— Тьфу! — раздражённо произнёс Челе следующему покупателю. — Не покупайте у него ничего! Подлый спекулянт!

И запихал в рот целый кусок халвы. Вместе с прилипшей накрепко бумагой, которую так и не получилось оторвать.

— Подождите меня! — крикнул и понёсся что есть силы за Бокой и Геребом. Догнал их на углу, и уже все вместе, взяв друг друга под руки, мальчишки повернули в сторону улицы Шорокшарской. В середине этой троицы шёл Бока, что-то объясняя своим друзьям, как всегда спокойно и рассудительно. Боке уже исполнилось четырнадцать. Внешне он ещё не был взрослым, но, рассказывая что-то или рассуждая о чём-то, казался гораздо старше.

У него был глубокий, спокойный и приятный голос. И говорил Бока спокойно и рассудительно. Взвешивал каждое слово, прежде чем его произнести, и не любил

трепаться ни о чём. Никогда не ввязывался в мелкие перепалки, избегал их даже в том случае, если его просили рассудить разгоревшийся спор. Бока прекрасно понимал: все помирятся, но одна из сторон всё равно останется обиженной, особенно на того, кто стал разнимать спорщиков. Но когда спор обострялся, перерастал в скандал и мог закончиться вмешательством учителей, тогда уж Бока немедленно встревал и мирил конфликтующие стороны — все в результате были довольны! Умный паренёк... И всё указывало на то, что вырастет хорошим и честным человеком. Если и не станет успешным, то уж в трудную минуту не подведёт — такому доверять можно!

С улицы Шорокшарской мальчишки свернули на тихую улочку Кёзтелек. Весеннее солнце нежно согревало всё вокруг, и только приглушенный сап машин табачной фабрики, растянувшейся вдоль тротуара, нарушал всепоглощающую тишину. Вдали они увидели силуэты двух мальчишек. Те стояли посреди дороги и определённо ждали их. Одним из них был высокий и крепкий Чонакош, другим — маленький и светловолосый Немечек.

Когда Чонакош заметил приближающуюся троицу, то пронзительно засвистел от радости, словно паровоз. Только он и умел так делать, и это был талант! Не то что в четвёртом классе, но и во всей гимназии едва набралось бы пару человек, которые смогли бы повторить такой лихой свист.

Разве что Циндер, председатель кружка по самообразованию, мог так здорово свистеть, но, раз уж его выбрали председателем, забросил это искусство. После выборов Циндер уже не закладывал двух пальцев в рот. Председателю кружка (каждую среду во второй половине дня он занимал место за кафедрой, возле

учителя венгерского языка!) не к лицу было так несolidно себя вести.

Итак, Чонакош свистнул, а когда приятели подошли ближе и остановились посреди улицы, спросил у светловолосого Немечка:

— Ты им уже рассказал?

— Нет, — ответил Немечек.

— А что случилось? — хором спросила вся троица.

Вместо белокурого малыша ответил Чонакош:

— Вчера возле музея снова сделали эйнштанд!

— Кто?

— Да понятно кто. Братья Пасторы!

Все неожиданно смолкли.

Чтобы понять произошедшее, нужно разъяснить, что значит слово «эйнштанд» для будапештских детей. Так вот, когда во время игры в шарики, стальные пёрышки или зёрнышки рожкового дерева какой-нибудь крепкий мальчишка замечал более слабого и хотел забрать у него всё это богатство, то просто говорил «эйнштанд»! Это отвратительное немецкое слово означало, что сильнейший мальчик считает шарик или стальное перо военной добычей, а в случае сопротивления применяет физическую силу. Это было объявление войны. Слово «эйнштанд» ясно и конкретно выражало насилие, правоту кулака, разбой и военное положение.

Первым нарушил молчание Челе. Голос его дрожал от волнения:

— Они сделали эйнштанд!

— Да, — уже смелее сказал малыш Немечек, видя, какое сильное впечатление произвела на всех эта новость.

— Так больше не может продолжаться! — бурно возмутился Герерб. — Я давно говорил, что нужно дей-

ствовать, но Бока только ухмыляется и ничегошеньки не делает. Если так дальше пойдёт, то они вообще приберут нас к рукам!

Чонакош уже хотел свистнуть от радости (он всегда был готов подраться), но Бока его одёрнул.

— Не надо нас глушить, — сказал он. И серьёзно спросил у белокурого мальчика: — Как всё произошло?

— Этот эйнштанд?

— Да. Когда всё случилось?

— Вчера, после полудня.

— А где?

— В музее.

Так они называли прилегающий к музею сад.

— Расскажи точно и по порядку, как всё произошло, ведь чтобы выступить против них, мы должны знать факты...

Маленький Немечек неожиданно понял, что на него внимательно смотрят приятели. С ним это редко бывало, и он страшно разволновался. Обычно мальчишки относились к нему как к пустому месту. По большому счёту, он был для них нулём без палочки, числом, которое нельзя поделить или умножить. Никто не считался с этим худеньким, хилым мальчиком, будто созданным для того, чтобы быть козлом отпущения. Немечек заговорил, а приятели плотно его окружили.

— Всё случилось так... После обеда мы пошли в музей: Вейс, я, Рихтер, Колнаи и Барабаш. Сначала мы хотели поиграть в лапту на улице Эстерхази, но бита была только у мальчишек из реального училища, а играть с нами они не захотели. Тогда Барабаш предложил пойти к музею и поиграть возле стены в шарики. Так мы и сделали. Каждый из нас бросал шарик, а тот, кто попадал в другой шарик, забирал всё.

Бросали по очереди, и у стены лежало уже штук пятнадцать шариков (среди них — два стеклянных), и тут Рихтер неожиданно выкрикнул: «Вот и конец игре, Пасторы идут!» Действительно, из-за угла выглядывали Пасторы, деловито держа руки в карманах. Наклонив головы, они шли очень медленно, вразвалочку. Мы страшно перепугались. Правда, нас было пятеро, но они такие сильные, что даже вдвоём легко справились бы с нами, даже если бы нас было человек десять! Да и не скажешь, что нас было пятеро: как только что-то случается, так Колнаи сразу убегает, Барабаш — тоже... Нас осталось бы только трое. Возможно, я бы тоже сбежал! Значит, от нашей компании осталось бы только двое. Попробовала бы вся наша пятёрка убежать — ничего бы из этого не вышло: Пасторы бегают очень быстро, и они наверняка бы нас догнали.

Пасторы подходили всё ближе и присматривались к нашим шарикам. Я шепнул Колнаи: «Слушай, мне кажется, им понравились наши шарики». Самым умным оказался Вейс, который сразу сказал: «Идут себе как ни в чем не бывало, но я вам точно говорю, что будет большой эйнштанд!» Я думал, что они нас трогать не будут, ведь мы им никогда ничего плохого не делали. Сначала они стали в сторонке и наблюдали за нашей игрой. Колнаи шепнул: «Немечек, давай заканчивать! Может, остановим игру?» А я ему на это: «Что? Как раз сейчас, когда ты промазал! Сейчас мой бросок. Если выиграю, сможем прерваться». В этот момент бросок делал Рихтер, одним глазом посматривая на Пасторов, и рука у него тряслась от страха. Неудивительно, что он тоже промазал. Пасторы даже не шелохнулись, так и стояли — руки в карманах. Тут подошла моя очередь, я сделал бросок и попал. Победа! Хотел подойти и собрать все шарики (а их там было уже штук тридцать!),

но тогда один из Пасторов — младший! — стал у меня на дороге и крикнул: «Эйнштанд!» Обернувшись назад, я увидел: Колнаи и Барабаш убегают, побледневший Вейс стоит у стены, а Рихтер размышляет, удирать ему или ещё немного подождать.

Я пробовал сопротивляться и сказал: «Извините, но вы не имеете права этого делать!» Между тем старший Пастор уже собирал шарики и распахивал их по карманам, а младший схватил меня за куртку и крикнул: «Ты не слышал, что мы объявили эйнштанд?» Ну, тогда уж и я примолк. Вейс, стоявший у стены, начал хныкать. Колнаи и Барабаш смотрели на весь этот разбой из-за угла музея. Пасторы собрали все шарики и молча ушли. Кажется, я ничего не упустил? Теперь всё.

— Неслыханно! — возмутился Герерб.

— Это просто переходит всякие границы! — сказал Челе.

Чонакош выразительно свистнул в знак того, что в воздухе запахло войной. Бока задумался. Мальчишки внимательно наблюдали за ним. Всем было жутко интересно, как он на всё это отреагирует. Несколько месяцев он не воспринимал всерьёз подобные выходки. Но такая ужасная несправедливость задела даже его.

— Давайте пока пойдём пообедаем, — сказал тихим голосом Бока. — После полудня встретимся на Пустыре и всё обсудим. Думаю, такие вещи прощать нельзя!

Друзья азартно и восхищённо смотрели в чёрные глаза Боки, искрившие гневом, и во всём готовы были его поддерживать. Чуть на шею не бросились от радости! Наконец-то и его возмутило всё это беззаконие!

Где-то вдалеке, в районе Йожефвароша, звенел колокол, светило солнце, и всё вокруг казалось красивым и полным радости. Однако мальчишки чувствовали,

что стоят на пороге важных событий. Ими овладела решительность и желание действовать. Бока сказал, что нужно что-то предпринимать. Значит, их ждут важные дела.

Мальчишки начали расходиться по домам. Чонакош с Немечком чуть-чуть отстали ото всех. Бока оглянулся. Оба товарища остановились у одного из подвальных окошек табачной фабрики, облепленного толстым слоем табачной пыли.

— Табак! — весело воскликнул Чонакош, ещё раз свистнул и напихал себе в нос жёлтой пыли.

Немечек звонко засмеялся и, подражая приятелю, тоже вдохнул щепотку табака. Обрадованные своим открытием, они, громко чихая, маршировали по улице Кёзтелек. Чонакош чихал солидно, громко, как из пушки. Маленький светловолосый Немечек фыркал, как сердитая морская свинка. Они бежали по улице, чихая и смеясь, чувствуя себя настолько счастливыми, что даже забыли на пару минут о той великой несправедливости, которую сам Бока — всегда спокойный и рассудительный! — признал недопустимой.

II

Пустырь, дорогой пустырь... О, пышущая здоровьем, румяная деревенская детвора из Альфёльда¹! Жизнь ваша протекает на невероятных просторах! Стоит сделать всего лишь шаг — окажешься в широком поле под синевой небесного купола. Ваш взгляд привык к виду бескрайних полей и широких горизонтов. Вас никто не вдавливал в стены высоких каменных домов, и вы даже

¹ Альфёльд — часть Среднедунайской равнины к востоку от Дуная, большая территория которой располагается в Венгрии.